

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Использование специальных культурологических знаний при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии»

Студент

А.В. Толмачев

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

С.В. Кондратюк

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Росдистант

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Аннотация

Работа посвящена проблемам использования специальных культурологических знаний при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии.

Структурно работа состоит из введения, двух глав, включающих пять параграфов, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Во введение обоснована актуальность использования специальных культурологических знаний при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии, поставлены цель и задачи исследования, определены объект и предмет исследования.

В первой главе рассмотрены теоретико-правовые основы использования специальных культурологических знаний при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии. Сформулированы понятия специальных знаний, специальных культурологических знаний и культурологической экспертизы.

Вторая глава работы посвящена производству культурологической экспертизы при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии. Исследованы регулятивные и атрибутивные элементы криминальной субкультуры у лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Отдельное внимание уделено проблемам и практики производства культурологической экспертизы по делам о расследовании занятии высшего положения в преступной иерархии.

В заключении сделаны выводы и обобщения, в соответствии с которыми, перспективным видится развитие институциональных основ культурологической экспертизы, посредством которой возможно решить вопрос о соответствии или несоответствии действующим регулятивным нормам криминальной субкультуры порядка занятия лицом высшего положения в преступной иерархии.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Теоретико-правовые основы использования специальных культурологических знаний при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии	9
1.1 Понятие и содержание специальных культурологических знаний, используемых при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии	9
1.2 Правовые и методологические проблемы культурологической экспертизы	17
Глава 2 Производство судебной культурологической экспертизы расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии	25
2.1 Регулятивные элементы криминальной субкультуры у лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.....	25
2.2 Атрибутивные элементы криминальной субкультуры у лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии	36
2.3 Проблемы и практика производства судебной культурологической экспертизы по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии	44
Заключение	55
Список используемой литературы и используемых источников	58

Введение

Актуальность темы исследования. Дополнение в 2009 года статьи 210 УК РФ частью 4, а в 2019 году - включение самостоятельной ст. 210¹, ввело в правовое поле такое понятие, как «высшее положение в преступной иерархии».

При этом, в ч. 4 ст. 210 УК РФ предусмотрен квалифицирующий состав, усиливающий уголовную ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Иными словами, в указанной норме уголовного закона, законодатель предусмотрел специального субъекта, а именно лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии. Статья 210¹ УК РФ уголовно-наказуемым признает само занятие высшего положения в преступной иерархии, без каких бы то ни было дополнительных преступных действий со стороны указанного лица, т.е. преступным является занятие такого положения.

Однако, за криминализацией преступного состояния, т.е. занятие лицом высшего положения в преступной иерархии не последовало со стороны законодателя его дефинитивное определение, что на практике осложняет процесс квалификации преступных действий по указанным статьям уголовного закона. Верховный Суд РФ также не раскрывает содержательную составляющую высшего положения преступной иерархии, если не считать того, что в п. 24 Постановления Пленума № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» [63] правоприменитель указал, что при решении вопроса о таком субъекте необходимо установить в чем конкретно выразились действия такого лица, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве (применительно к ч. 4 ст. 210 УК РФ). При этом, о лидерстве могут свидетельствовать данные о наличии определенных связей (экстремистских, коррупционных, террористических и др.).

В целом, отсутствие легально установленных признаков лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, на практике осложняет процесс расследования преступлений, в которых данное лицо названо в качестве специального субъекта и само занятие данного положения в преступном мире признано уголовно наказуемым.

Расследование занятия высшего положения в преступной иерархии и доказывание вины таких лиц предполагает необходимость обладания специальными знаниями не только относительно психической сферы преступника, но и о криминальном «мире», который в своей совокупности образует определенную криминальную субкультуру. Важно также установить место и роль конкретного лица в криминальном «мире», что возможно посредством специальных знаний в области криминальной субкультуры. Однако на практике культурологическая экспертиза при установлении принадлежности конкретного лица к высшей преступной иерархии применяется не всегда, что объясняется еще не завершенной процедурой ее институционализации. Кроме правовых и методологических проблем культурологической экспертизы как самостоятельного вида экспертного исследования, следует отметить и постоянно изменяющееся криминальное субкультурное пространство, в рамках которого в угоду современной действительности меняются не только регулятивные, но атрибутивные ее структурные элементы.

Таким образом, все выше изложенное обосновывает актуальность и своевременность исследования проблем, связанных с использованием специальных культурологических знаний при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблема использования специальных культурологических знаний при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии не являлась предметом самостоятельного монографического исследования. Однако вопросы квалификации, расследования и криминологического-криминалистического анализ

занятия высшего положения в преступной иерархии рассматриваются в трудах таких ученых, как А.Г. Белого, В.Н. Бурлакова, С.И. Гирько, А.Я. Гришко, М.С. Десятова, Н.А. Егоровой, В.С. Ишигеева, С.В. Кондратюка, В.В. Коряковцева, А.А. Лачина, А.В. Сенатова, П.А. Скобликова, Т.В. Стукаловой, В.Ф. Щепелькова и др. Отдельные работы ученых посвящены исследованию культурологической экспертизы, ее теоретико-методическим основам, перспективам развития (И.В. Кондратьева, А.П. Садохин, Н.В. Чиркова, Ю.А. Яроцкая и др.). В.В. Тулеганов свою кандидатскую диссертацию посвятил криминальной субкультуре и определил ее криминологическое значение. Криминальную субкультуру и ее регулятивные и атрибутивные элементы исследуют: Е.А. Антонян, М.В. Гусев, Э.Н. Гуцин, В.С. Ишигеев, В.В. Коряковцев, И.М. Мацкевич, И.С. Родин, А.В. Сенатов, Р.А. Юрьев и др. М.В. Максименко и Е.Е. Гашев провели аналитический обзор современной структуры и состояния преступной иерархии. Как можно заметить, множество работ посвящены тем или иным аспектам, связанным с использованием специальных культурологических знаний при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии. При этом, разрозненность научно-теоретических исследований не позволяет рассмотреть проблему использования специальных знаний при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии целостно. Кроме того, отдельные вопросы по сей день остаются дискуссионными и требуют поиска новых подходов к их решению, что возможно посредством проведения комплексного научно-теоретического и правового анализа специальных знаний, используемых при расследовании занятия высшего положения отдельным лицом в преступной иерархии.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с использованием специальных культурологических знаний при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии.

Предметом исследования являются нормы действующего законодательства, регулирующие порядок использования специальных

культурологических знаний при расследовании занятия лицом высшего положения в преступной иерархии.

Цель исследования - разработка теоретических положений и научно-обоснованных рекомендаций, по использованию специальных культурологических знаний при расследовании занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, призванных обеспечить качественное и полноценное производства по делам данной категории.

Задачи исследования:

- определить понятие и содержание специальных культурологических знаний, используемых при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии;
- выявить правовые и методологические проблемы культурологической экспертизы;
- исследовать регулятивные элементы криминальной субкультуры у лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии;
- провести анализ атрибутивных элементов криминальной субкультуры и лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии;
- выявить проблемы, возникающие на практике при производстве судебной культурологической экспертизы по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии.

Методология и методика исследования. В процессе написания бакалаврской работы применялись диалектический метод, метод сравнительно-правового исследования и системного анализа, статистический и социологический методы, юридико-догматический метод, методы синтеза и анализа.

Теоретическую основу исследования составили монографическая и учебная литература в области общей теории права, криминалистики; статьи в ведущих периодических изданиях; а также диссертационные исследования, тематика которых не выходит за рамки настоящего объекта исследования.

Нормативная база исследования: Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие федеральные законы, регулирующие расследование и производство судебных экспертиз по делам о занятии лицом высшего положения в преступной иерархии.

Научная новизна исследования заключается в том, что научно-теоретические выводы и предложения могут быть использованы в дальнейших исследованиях проблем, связанных с расследованием занятия высшего положения в преступной иерархии.

Структуру работы определили цели и задачи исследования. Работа состоит из введения, двух глав, включающих пять параграфов, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретико-правовые основы использования специальных культурологических знаний при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии

1.1 Понятие и содержание специальных культурологических знаний, используемых при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии

Законодатель, введя в правовое поле в 2009 году такое понятие, как «высшее положение в преступной иерархии» в тоже время не установил признаков лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, что на практике осложняет процесс расследования преступлений, в которых данное лицо названо в качестве специального субъекта и само занятие данного положения в преступном мире признано действующим УК РФ [81] уголовно наказуемым.

Ученые считают необходимым при расследовании рассматриваемого преступного деяния осуществлять специальное криминологическое и социально-психологическое исследование самих преступников и их преступной среды [64, с. 14], в рамках которой определяется их правовой статус, жизнь и поведение [29, с. 4], а также отношение к атрибутам лидерского положения в преступном сообществе [41, с. 5] [34] [35]. Иными словами, расследование занятия высшего положения в преступной иерархии и доказывание вины таких лиц предполагает необходимость обладания специальными познаниями, позволяющими определить эмоциональное состояние и индивидуально-психологические особенности личности преступника. Однако, специальных психологических знаний при установлении лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии недостаточно, так как за пределами данных знаний остается криминальное окружение преступника, его место и роль в данном окружении и отличие от остальных членов общества. В связи с чем, важное значение при установлении

вины лица за занятие им высшего положения в преступной иерархии, имеют специальные знания не только относительно психической сферы преступника, но и о криминальном «мире», который в своей совокупности образует определенную криминальную субкультуру.

Прежде чем, определиться с тем, что собой представляют специальные знания, позволяющие определить место и роль лица в окружающем его криминальном «мире», следует рассмотреть уголовно-процессуальное понятие «специальные знания».

Исходя из содержания действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [80], к лицам, обладающим специальными знаниями из числа участников уголовного судопроизводства, относятся эксперт (ч. 1 ст. 57 УПК РФ) и специалист (ч. 1 ст. 58 УПК РФ). При этом, в отличие от специалиста, который оказывает помощь следователю в производстве следственных действий, эксперт осуществляет свою деятельность только путем производства экспертизы.

Понятие «специальные знания» легально не определено.

В науке уголовного процесса понятие «специальные знания» определяется по-разному.

Так, А.А. Мамошин и М.А. Мамошин специальные знания определяют как совокупность знаний в определенной отрасли науки, техники, искусства [50, с. 80]. В.И. Шиканов в определение специальных знаний включает такие два основных элемента, как знания и практический опыт [88, с. 4]. В.Д. Арсеньев и В.Г. Заболоцкий также в содержание определения специальных знаний включают знания, полученные в результате теоретического и практического обучения определенному виду деятельности, а также приобретенные навыки в процессе осуществления этого же вида деятельности [9, с. 4].

По мнению В.Н. Махова, под специальными знаниями следует понимать знания, присущие «различным видам профессиональной деятельности, за исключением знаний, являющихся профессиональными для следователей,

судей, и используемые при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде в случаях и порядке, установленном законом» [51, с. 122]. Как можно заметить, В.Н. Махов, с одной стороны, выделяет такой признак специальных знаний, как профессиональный характер, с другой стороны - различает специальные и правовые знания. Последними, т.е. правовыми знаниями, обладают лица, ведущие процесс.

В.П. Зезьянов указывает на процесс использования специальных знаний, который осуществляется посредством привлечения в соответствии с нормами УПК РФ соответствующих специалистов субъектами доказывания [28, с. 9].

М.А. Поздняков в своем исследовании на основании обобщения существующих в науке определений выделяет следующие признаки специальных знаний:

- не являются общеизвестными и общедоступными;
- источником получения является практический и профессиональный опыт;
- цель – получение доказательственной информации и использование в процессе раскрытия и расследования преступлений;
- содержание – сведения из конкретной отрасли знания [61].

Данные признаки позволяют специальные знания определить, как знания из конкретной отрасли науки, техники, искусства, ремесла и права, не являющиеся общедоступными и общеизвестными, полученные в результате практической и профессиональной деятельности с целью получения доказательственной информации и использования в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Представляется, что для решения проблемы разночтения в определении понятия специальных знаний следует в действующий УПК РФ в ст. 5 закрепить легальную дефиницию, в которой целесообразно не только перечислить отрасли знаний, но и субъектов уголовно-процессуальных отношений, которые должны обладать такими знаниями и от которых зависит их особый уголовно-процессуальный статус.

Применительно к рассматриваемой проблематике, при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии, и установления места и роли конкретного лица в криминальном «мире» возможно посредством специальных знаний в области криминальной субкультуры, являющейся частью общей культуры общества [67, с. 291].

Переходя к рассмотрению криминальной субкультуры, прежде необходимо определиться с общим понятием культуры вообще.

Как известно, в словарном значении культура понимается как совокупность производственных, общественных и духовных достижений человека [56, с. 307].

В культурологическом аспекте культуру определяют «как совокупность символов, идей, ценностей, обычаев, верований, традиций, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность» [цит. по: 76, с. 14]. И.М. Мацкевич считает, что культура представляет собой сумму характерных особенностей социальных взаимоотношений, которые включают убеждения и моральные ценности общества [52, с. 5]. Однако, следует согласиться с тем, что культура, господствующая в обществе, не имеет универсального характера для всех членов общества. Отдельные малые группы создают свою альтернативную культуру, хотя и связанную с общей культурой, но отличную или отрицающую ее. Речь идет о субкультуре, т.е. системе ценностей, установок, способов поведения определенной социальной группы [75, с. 325].

Криминальная субкультура характерна для лиц, занимающихся преступной деятельностью. Ученые под криминальной субкультурой понимают:

- антиобщественные традиции и обычаи [46, с. 12];
- совокупность ценностей, обычаев, традиций, норм и правил поведения, направленных на организацию преступной жизнедеятельности [76, с. 25];

- систему искаженных человеческих ценностей, обычаев, традиций, норм и правил поведения, способствующих организованности преступных групп [84, с. 46];
- социально-негативное поведение на общесоциальном уровне [58, с. 13];
- определенный уровень развития жизни преступных сообществ [59];
- образ жизнедеятельности участников криминальных групп, которые придерживаются определенных законов и традиций [1, с. 8];
- образ жизни и деятельности преступников, находящихся в местах лишения свободы [3, с. 72];
- исторически сложившиеся и неофициально узаконенные стереотипы криминогенного поведения лиц с криминальными установками [11, с. 18].

Обобщив данные понятия, под криминальной субкультурой можно предложить понимать характерные особенности криминальных взаимоотношений, включающих систему неофициально установленных обычаев, традиций, норм и правил поведения, способствующих осуществлению преступной деятельности.

Криминальная субкультура, будучи сложным многоплановым явлением, проявляется посредством многообразных форм, каждая из которых занята конкретной криминальной деятельностью.

В частности, В.В. Тулегенов выделяет три вида криминальной субкультуры:

- профессиональной преступности;
- организованной преступности;
- наркоманов [76, с. 44].

Тюремную субкультуру В.В. Тулегенов относит к особой форме криминальной субкультуры, которая объединяет всех осужденных в независимости от их принадлежности к профессиональной, организованной или субкультуре наркоманов [76, с. 44]. Е.А. Антонян специфику тюремной

субкультуры видит в объединении опасных преступников, изолированных от общества и являющихся лицами одного пола [3, с. 72].

Ф.Р. Хисамутдинов и А.Е. Шалагин несколько шире представляют типологизацию криминальной субкультуры. При этом, тюремную субкультуру ученые относят к самостоятельному виду криминальной субкультуры, а субкультуру профессиональной и организованной преступности объединяют в одну группу вместе с субкультурой рецидивистов. Кроме названных видов криминальной субкультуры исследователи выделяют:

- субкультуру несовершеннолетних;
- субкультуру экстремистов, радикалистов;
- субкультуру тоталитарных и религиозных организаций;
- субкультуру алкоголиков, наркоманов и токсикоманов;
- субкультуру маргиналов, т.е. бродяг, попрошаек, проституток и др. [84, с. 47].

Действительно, субкультура несовершеннолетних преступников отличается рядом особенностей от профессиональных преступников. Прежде всего – это возраст лидеров молодежных группировок, по большей части отсутствие судимостей, элементарных знаний уголовного права, которыми обладает практически каждый профессиональный преступник [76, с. 32-33]. В целом, образ жизни несовершеннолетних преступников не соответствует образу жизни профессиональных преступников. При этом, впоследствии элита профессиональной преступности срачивается с лидерами молодежных группировок.

Следует согласиться с учеными и в отношении выделения других видов криминальной субкультуры. Однако, для экстремистов, радикалистов, тоталитарных и религиозных организаций присущи такие общие черты с субкультурой профессиональной и организованной преступности как то, что они совершаются лицами, которые объединились в группу для совершения конкретных преступлений. Иными словами, данные группы можно назвать также объединениями профессиональных преступников.

По-разному ученые определяют структуру криминальной субкультуры.

Е.А. Антонян считает, что структурными составляющими криминальной субкультуры, являются:

- определенный «табель о рангах», который закрепляет положение члена преступного социума посредством таких элементов, как: клички, татуировки, привилегии, поведенческие атрибуты;
- воровские и тюремные законы, правила, традиции, клятвы, проклятия, принятые в криминальной среде;
- коммуникативные атрибуты, включающие: уголовный жаргон, жесты, клички и татуировки;
- «общак», являющийся своего рода экономическим рычагом;
- тюремная лирика (песни, стихи);
- отношение к здоровью в зависимости от выгоды в конкретный момент: от симуляции и членовредительства до здорового образа жизни [3, с. 73].

Ф.Р. Хисамутдинов и А.Е. Шалагин в структуре криминальной субкультуры выделяют следующие, составляющие ее элементы:

- стратификация преступников;
- клички, уголовный жаргон;
- тюремный фольклор (песни, стихи, пословицы, поговорки);
- невербальные способы общения (жесты, знаки, сигналы);
- тюремные традиции и нормы поведения, за нарушение которых предусмотрено наказание [84, с. 48].

С.Я. Лебедев все элементы криминальной субкультуры разделяет на:

- регулятивные, т.е. законы и правила поведения, посредством которых осуществляется регулирование криминальных взаимоотношений;

- атрибутивные, к которым относятся: татуировки, жаргон, клички, жестикуляция, мимика, отражающие принадлежность к тому или иному виду преступной деятельности;
- эмоциональные, включающие тюремный фольклор [47, с. 12].

По мнению И.М. Мацкевич, криминальная субкультура состоит из следующих элементов:

- криминальная идеология, т.е. система понятий и представлений, сложившаяся в сознании преступников;
- криминальная нравственность, противоположная социальной нравственности;
- криминальный образ жизни;
- криминальная организация;
- криминальный культ, составляющими которого являются культ личности и оружия [53, с. 26-27].

Как можно заметить, И.М. Мацкевич и С.Я. Лебедев в структуру криминальной субкультуры не включает неформальное разделение преступников, т.е. криминальную стратификацию, что является существенным недостатком.

В связи с изложенным, структурно криминальную субкультуру можно представить, как совокупность следующих элементов:

- регулятивные элементы, включающие неформальные нормы и правила поведения и стратификацию преступников (т.е. преступная иерархия);
- атрибутивные элементы, включающие уголовные татуировки, клички, жаргон.

Таким образом, познание указанных выше элементов криминальной субкультуры позволяет определить является ли то или иное лицо носителем данной субкультуры. Кроме того, данные элементы криминальной субкультуры составляют содержательную часть специальных знаний, используемых при расследовании занятия высшего положения в преступной

иерархии. Исходя из того, что субкультура и криминальная в том числе, является частью общей культуры общества, представляется, что именно посредством производства экспертизы возможно предположить, как место и роли конкретное лицо занимает в преступной иерархии.

В целом, проведенный анализ позволяет сформулировать понятие специальных знаний, используемых при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии, как знаний в области криминальной субкультуры, составляющими элементами которых являются регулятивные и атрибутивные элементы, включающие неформальные нормы и правила поведения, стратификацию преступников, уголовные татуировки, клички, жаргон и другая доказательственная информация, которая позволяют сделать вывод о том, что конкретное лицо занимает высшее положение в преступной иерархии.

1.2 Правовые и методологические проблемы культурологической экспертизы

В предыдущей части настоящей работы было установлено, что при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии необходимо использовать специальные знания в области криминальной субкультуры посредством производства культурологической экспертизы.

Исследование правовых и методологических проблем назначения культурологической экспертизы необходимо начать с ее теоретических аспектов.

Прежде всего, следует отметить, что культурологическая экспертиза, еще не завершила процедуру своей институционализации [86, с. 225]. Несмотря на это необходимость экспертных культурологических исследований обусловлено рядом процессов, связанных с развитием информационного общества, массовизацией, поглощающей индивидуальность человека, маргинализацией и глобализацией [20, с. 164]. Среди перечисленных

обстоятельств, особое значение к предмету настоящего исследования имеет маргинализация, в процессе которой демонтируются и сталкиваются ценности, исчезают сложившиеся социально-культурные иерархии. В настоящее время, навязывается и растет роль субкультуры криминального социума, тюремной романтики и прочих атрибутивных регуляторов преступного мира. Культурологическая экспертиза позволяет исследовать не фрагменты реальной преступной действительности, а криминальное субкультурное пространство и его место в культурном пространстве общества в целом.

В доктрине предпринимаются попытки сформулировать понятие культурологической экспертизы. Однако, прежде необходимо обратиться к общему понятию экспертизы, сформулированного в ст. 9 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [82], согласно которой судебная экспертиза представляет собой установленное законом процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

Ученые также под экспертизой понимают «исследование специалистом (экспертом) каких-либо вопросов, решение которых требует специальных познаний в области науки, техники, искусства и т.д.» [74].

Как можно заметить из приведенных определений, основой экспертного исследования являются специальные знания, понятие которых было определены в предыдущей части настоящей работы. Кроме того, производить экспертизу может лицо, обладающие соответствующими специальными знаниями.

Понятие культурологической экспертизы не имеет легального определения, а является научно-теоретической категорией.

В целом, можно выделить следующие подходы к понятию данного вида экспертизы.

Например, Р.Ю. Порозов, исходя из методологической специфики культурологии как науки (изучает объекты, являющиеся результатом символической, а не физиологической деятельности; неравносность одного того же объекта в различных социокультурных средах, т.е. имеет символический статус), под культурологической экспертизой понимает процедуру, посредством которой оценивается характер символической деятельности человека, т.е. его представления и отношения о событии или явлении жизни [62, с. 314].

По мнению И.В. Кондратьевой, культурологическая экспертиза – это «исследование культурных процессов посредством анализа регулирующих знаковых, коммуникативных и смысловых аспектов современной культуры» [32, с. 919].

С.С. Загребин культурологическую экспертизу понимает, как участие специалистов-культурологов в различных видах экспертиз посредством привлечения концептуального культурологического аппарата с целью создания методик и приемов в традиционных и новаторских экспертизах [27, с. 54].

По мнению Л.В. Никифоровой, ключевой характеристикой культурологической экспертизы является культурологическая теория. При этом, по мнению ученого, «знакомство с некоей концепцией, понимание того или иного объекта, явления, процесса как культурного должно что-то менять в отношении к нему» [65, с. 60].

А.П. Садохин предлагает под культурологической экспертизой понимать «особый вид исследовательской деятельности, методологической основой которой является культурологический подход, ставящий себе целью установление культурного значения и ценности предметов, фактов, явлений и суждений сферы культуры» [70, с. 5]. Далее, ученый делает вывод о том, что основой данного экспертного исследования являются специальные культурологические познания.

В качестве объекта культурологической экспертизы А.П. Садохин называет «весь мир культуры и ее проявления», исследование которых имеет своей целью аксиологическое и атрибутивное установление «фактических данных относительно различных предметов, произведений, событий и явлений культуры» [70, с. 5].

Другие ученые в качестве объектов культурологической экспертизы называют также культурные материальные ценности, моральные, нравственные и социальные нормы, мировоззрение, правила и типы поведения, культурно-образовательные, просветительские и научно-исследовательские проекты и продукция, нормативно-правовые акты в сфере социокультурной деятельности [10, с. 9].

Л.В. Никифорова и Н.А. Кривич, исходя из экспертной практики культурологических исследований, называют три группы объектов:

- произведения современного художественного творчества, дизайна и культурных индустрий;
- вербальные тексты;
- культурное наследие [43, с. 22-23].

В качестве отдельного направления культурологической экспертизы называют процесс определения характеристик, экспертная оценка последствий тех или иных решений [43, с. 23].

Предмет любой экспертной деятельности определяется посредством предметной направленности соответствующего вида экспертизы. Применительно к культурологической экспертизе, ее предметом называют конкретные объекты и обстоятельства, а также свойства этих объектов и обстоятельств, исследуемые посредством использования специальных культурологических знаний, методов и средств. Данные объекты и обстоятельства конкретизируются в конкретном предмете применительно к отдельному подвиду культурологической экспертизы. А.П. Садохин предметное поле культурологической экспертизы объединяет понятием

«культурные ценности» [70, с. 7], определение которых дано в ст. 3 Основы законодательства Российской Федерации о культуре [57]:

- «нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты».

И.В. Кондратьева, отмечая, что культурология охватывает социальные, экономические, политические, научные области деятельности и выходит на уровень междисциплинарности и интегративности. В связи с чем, следует согласиться с исследователем в том, что предметная область культурологической экспертизы находится в постоянном расширении, охватывая новые области познания [33, с. 137].

Содержание предмета культурологической экспертизы раскрывается посредством систематизации экспертных задач и методов их решения.

А.П. Садохин называет следующие задачи культурологической экспертизы:

- идентификационные задачи, позволяющие устанавливать тождество объекта экспертизы и его типологизацию;
- диагностические задачи направлены на установление свойств и состояний объекта исследования;
- классификационные задачи устанавливают принадлежность исследуемого объекта к какому-либо классу, роду, группе, категории;
- атрибутивные задачи направлены на установление свойств и качеств исследуемого объекта;

- нормативные задачи – устанавливают соответствие или несоответствие объекта исследования действующим правилам и нормам социокультурной действительности [70, с. 5].

Исследуя методический инструментарий культурологической экспертизы, ученые выдвигают ряд предложений.

Прежде всего, М.Л. Князева в качестве метода культурологической экспертизы называет идею числовой индексации [31]. Однако ряд исследователей полагают, что методом культурологической экспертизы является анализ конкретной ситуации и исследование проблемы с учетом исторического опыта. Иными словами, методом культурологической экспертизы является аналитика в соответствии с поставленными экспертными задачами [69, с 104].

Кроме того, В.В. Кортунов и В.О. Шелект считают, что культурологическая экспертиза должна основываться на неизменности «всех нравственных ценностей, лежащих в основании гуманитарной оценки» [42, с. 9]. Выше уже было отмечено, что в соответствии со своей целью, культурологическая экспертиза направлена на установление культурной значимости исследуемого объекта, установление его ценностных характеристик, которые со временем могут меняться. В связи с чем, для методики культурологической экспертизы важен анализ закономерностей и моделей трансформации исследуемых ценностей [43, с. 24].

Таким образом, культурологическая экспертиза в настоящее время находится в состоянии своей институционализации. Порядок назначения и производства культурологической экспертизы регулируется в соответствии с общими нормами применительно к судебно-экспертной деятельности. В рамках уголовного судопроизводства назначение и производство судебной экспертизы урегулировано главой 27 УПК РФ.

Проведенный в первой главе анализ правовых основ использования специальных знаний при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, были рассмотрены понятие и содержание специальных культурологических знаний, используемых при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии. В частности, было отмечено, что при установлении лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, важное значение имеют специальные знания не только относительно психической сферы преступника, но и о криминальном «мире», который в своей совокупности образует определенную криминальную субкультуру. Также было рассмотрено понятие специальных знаний, не имеющих легального определения и под которыми было предложено понимать знания из конкретной отрасли науки, техники, искусства, ремесла и права, не являющиеся общедоступными и общеизвестными, полученные в результате практической и профессиональной деятельности с целью получения доказательственной информации и использования в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Для решения проблемы разночтения в определении понятия специальных знаний следует в действующий УПК РФ в ст. 5 закрепить легальную дефиницию, в которой целесообразно не только перечислить отрасли знаний, но и субъектов уголовно-процессуальных отношений, которые должны обладать такими знаниями и от которых зависит их особый уголовно-процессуальный статус.

Исследуя понятие специальных культурологических знаний, используемых при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии, было сформулировано понятие криминальной субкультуры, являющейся содержанием данных знаний, а также понятие самих специальных культурологических знаний.

Во-вторых, был проведен научно-теоретический анализ культурологической экспертизы, рассмотрено понятие культурологической экспертизы, ее объект, предмет, задачи и методы исследования. По результатам данного исследования культурологическую экспертизу можно определить как установленную законом процедуру, включающую в себя

проведение исследований в конкретной области культуры и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных культурологических знаний.

Как уже отмечалось, выше, частью культуры является и криминальная субкультура, которая также может выступать объектом культурологического исследования в частности, с целью установления факта занятия лицом высшего положения в преступной иерархии.

В следующей части исследования будут рассмотрены особенности производства судебной культурологической экспертизы при расследовании занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, определены регулятивные и атрибутивные элементы криминальной субкультуры как предмет и объект и данного экспертного исследования.

Глава 2 Производство судебной культурологической экспертизы расследования занятия высшего положения в преступной иерархии

2.1 Регулятивные элементы криминальной субкультуры у лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии

В доктрине, в частности, С.В. Кондратюк, выделяют ряд фактов, указывающих на принадлежность лица к высшей ступени преступной иерархии:

- ритуал признания лица лидером преступного сообщества;
- наличие атрибутивных элементов криминальной субкультуры;
- характерные для преступного лидера поведенческие стереотипы [41, с. 7] [38] [40].

Если последний факт, т.е. поведенческие стереотипы могут быть установлены посредством производство судебно-психологической экспертизы, то порядок признания лица лидером преступного сообщества и наличие атрибутивных элементов криминальной субкультуры невозможно без специальных познаний в области криминальной субкультуры. В связи с чем, при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии важное значение приобретает культурологическая экспертиза, в рамках которой устанавливается принадлежность лица к высшей ступени преступной иерархии и использование им своего криминального статуса в преступных целях. Действительно, только посредством специальных культурологических знаний в области криминальной субкультуры представляется возможным ответить на следующие вопросы:

- является ли данное лицо носителем криминальной субкультуры?
- занимает ли данное лицо какое-то место в преступной иерархии, если «да», то какое?

- если лицо занимает высшее положение в преступной иерархии, то какой преступный статус оно имеет: вор в законе, положенец, смотрящий?
- какие регулятивные элементы криминальной субкультуры свидетельствуют о его криминальном статусе?
- какие атрибутивные элементы свидетельствуют о его криминальном статусе?
- какими регулятивными нормами криминальной субкультуры руководствуется данное лицо при использовании своего преступного положения?

Ответы на данные вопросы позволят установить занятие лицом высшего положения в преступной иерархии, т.е. его принадлежность к лидерам преступной иерархии и факт использования соответствующего положения.

Иными словами, объектом культурологической экспертизы по установлению факта занятия лицом высшего положения в преступной иерархии является криминальная субкультура, а предметом - регулятивные и атрибутивные ее элементы.

В данной части исследования будут рассмотрены регулятивные элементы криминальной субкультуры в той части, которые позволяют установить принадлежность лица к высшей ступени преступной иерархии.

В первой главе настоящей выпускной квалификационной работы было установлено, что регулятивные элементы криминальной субкультуры включают неформальные нормы, правила поведения и стратификацию преступников (т.е. преступную иерархию). Следовательно, прежде всего, предметом культурологической экспертизы являются неформальные нормы и правила поведения, посредством которых регулируется сама преступная иерархия, основания и порядок занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, а также положение такого лица в криминальном мире.

В доктрине неформальные нормы и правила поведения криминальной субкультуры не являются предметом самостоятельного исследования.

Зачастую такие нормы называют «воровскими законами», «преступными традициями», «понятиями», «тюремными законами», «наказами», «правилами». Ученые по-разному определяют данные понятия.

Так, А.В. Сенатов, традиции криминальной субкультуры определяет, как свод неформальных правил, основанных на нормах естественных прав человека на жизнь, свободу совести, мнения, справедливости и др., распространяющиеся на всех осужденных, имеющие императивный характер и находящиеся в постоянной трансформации с целью создания благоприятных условий для воровского сообщества, за нарушение которых (традиций криминальной субкультуры) предполагается суровое наказание [72, с. 41, 44].

С.А. Кутякин «понятиями» называет морально-этические нормы преступной субкультуры, своего рода антагонизмы естественно-правовых норм [45, с. 34, 35].

Е.А. Антонян считает обязательным разделять тюремные и воровские законы [3, с. 74].

Так, под тюремными законами понимают свод неписанных норм и правил, распространяющихся на всех лиц, находящихся в местах лишения свободы и устанавливающие табу и запреты для всех «мастей» в их иерархической последовательности и определяющие взаимоотношения осужденных друг с другом посредством «разборок» или обращения к воровским авторитетам в их иерархической последовательности и определяющие взаимоотношения осужденных друг с другом посредством «разборок» или обращения к воровским авторитетам [13, с. 267].

В отличие от тюремного закона, «воровской закон», также представляя собой свод неписанных правил и норм, которые обязательны только для воров в законе [3, с. 74].

В основе неформальных норм и правил поведения лежит «воровская» идеология, основным постулатом которой является то, что все люди склонны к тем или иным порокам, которые в свою очередь они скрывают (в чем и заключается их подлость) в отличие от «вора», «честность» которого

проявляется в не утаивание от окружающих своей преступной сущности. Исходя из того, что все люди подлы, с ними можно также подло поступать [44, с. 67-68].

Однако, история развития воровских традиций и законов показывает, что они не стоят на месте и подвержены влиянию в соответствии с политическими и экономическими условиями жизни общества и государства. Более подробно данный вопрос будет рассмотрен на примере норм, регулирующих правовое положение лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Некоторые ученые предпринимают попытки классифицировать регулятивные нормы криминальной субкультуры.

К примеру, Н.П. Барабанов иерархически все регулирующие криминальную деятельность нормы выстраивает в следующем порядке по силе их действия:

- «законы», т.е. своего рода кодекс, принимающийся и изменяющийся на «сходках» и распространяющий свое действие на весь преступный мир;
- «наказ» - новое правило поведения, созданное группой воров в законе (не менее трех) как ответная акция против властей и правоохранительных органов;
- «правило» - принимается конкретной преступной группой и направлено на регулирование взаимоотношений внутри данной группы [12, с. 179].

В другом случае, Н.П. Барабанов, В.В. Михайлин и Н.Д. Моисеев исследуемые нормы предлагают разделить на:

- запрещающие нормы, которые запрещают осужденному, к примеру: представлять сведения об осужденных, воровать у своих, незаконно присваивать себе более высокий статус и др.;
- нормы, обязывающие к определенному поведению (владеть жаргоном, играть в карты, признавать статус «авторитетов» и др.);

- нормы, регулирующие отношения осужденных с персоналом исправительной колонии [14, с. 19].

Несколько иначе классифицировал существующую совокупность преступных традиций и законов С.А. Хохрин, на следующие группы:

- идеологические, т.е. регламентирующие идеологию воровской жизни. К данной группе норм криминальной субкультуры относятся нормы, закрепляющие криминальную стратификацию, правила поведения в соответствии с принадлежностью к той или иной криминальной касте;
- социально-бытовые нормы, направленные на облегчение условий отбывания наказаний осужденных. Данными нормами урегулирован «общак», порядок оказания помощи осужденным, а также лицам, освободившимся от отбытия наказания при условии, что он будет продолжать поддерживать воровской уклад жизни;
- эмоционально-обрядовые нормы, предусматривающие ритуалы «клятвы» и «присяги» воровским идеалам. Данные нормы направлены на формирование неформальных норм поведения, осужденных в исправительных учреждениях и формируют так называемый «тюремный этикет» (татуировки, стиль одежды, художественное оформление среды обитания) [85, с. 93].

Итак, как можно заметить, преступная иерархия, т.е. криминальная стратификация, урегулирована соответствующими неписанными императивными нормами криминального мира. В свою очередь, преступная иерархия представляет собой систему, определяющая структуру подчинения и взаимоотношений между лицами, придерживающимися криминальных правил и традиций [23, с. 60], [49, с. 8].

При этом, А.Е. Шалагин обращает внимание на необходимость различать криминальную стратификацию в пенитенциарных учреждениях (воры в законе, положенцы, паханы, смотрящие, бойцы, быки, мужики, красные, отверженные и др.) и за ее пределами (лидер, авторитет, бригадир,

активный участник, участник) [87, с. 138]. Оставляя за рамками настоящего исследования более подробное рассмотрение вопроса о преступной иерархии в связи с ограниченностью объема бакалаврской работы, следует определиться с тем, кто стоит во главе преступной иерархии и занимает высшее в ней положение и соответственно является субъектом ст. 210¹ УК РФ.

Что касается конкретно лиц, занимающих высшие положения в преступной иерархии, то в науке по данному вопросу мнения ученых разделились. По мнению одних ученых, высшее положение занимает только вор в законе. Однако, по большей части ученые к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, относят: воров в законе, смотрящих, преступных авторитетов, бродяг, положенцев [49, с. 8], а также других лиц, обладающих авторитетом и реальной властью в преступной среде. Ж.В. Виденькина также предлагает в качестве лидеров преступной иерархии выделять любых лиц, которых смогли сформировать и осуществлять руководство деятельностью преступной организации или преступного сообщества [17, с. 113]. Более того, такой вывод вытекает из диспозиций ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹, которые законодатель не ограничил термином «вор в законе» [55, с. 57].

Действительно, соглашаясь с тем, что вор в законе является ключевым лицом в преступной иерархии [25, с. 200], в то же время высшее положение было бы неправильно ограничивать только криминальными титулами воровского сообщества [22, с. 54]. Как верно подмечают М.В. Максименко и Е.Е. Гашев, вряд ли справедливо судить о том, что законодатель, вводя уголовную ответственность за сам факт занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, ограничил круг действия одним лицом. В связи с чем, ученые делают вывод о том, что круг специальных субъектов ограничивается лицами, обладающими признаками лидерства в преступной иерархии и определяется числом этих «преступных иерархий» в существующий на данный момент в криминальной среде [49, с. 16].

Исходя из данного посыла, следует сделать вывод, что предметом культурологической экспертизы при установлении факта занятия лицом высшего положения в преступной иерархии является конкретный статус отдельного лица, особенности его приобретения (ритуал) и наличие отличительных атрибутивных элементов. Как уже не раз отмечалось, в данной части исследования рассматриваются регулятивные нормы. Следовательно, основной задачей эксперта, прежде всего, является определение соответствия процесса занятия лицом конкретного криминального статуса, существующим нормам, традициям криминального сообщества. Кроме того, в область культурологической экспертизы входит установление соответствия самого занятия высшего положения в преступной иерархии (выполнение требований, установленных воровским законом для соответствующей «масти» в части, прав, запретов и функциональных обязанностей) регулятивным нормам криминальной субкультуры, т.е. воровскому закону, преступным традициям и обычаям.

Далее следует коротко рассмотреть содержательные составляющие криминального статуса отдельных лиц, относящихся к верхушке преступной иерархии.

Прежде всего, верхушку преступной иерархии возглавляет «вор в законе», являющийся лидером преступной среды.

Само понятие вор в законе, равно как и такие понятия как смотрящий и положенец не являясь нормативно-правовыми понятиями, имеют научные определения.

Так, под воров в законе как лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, понимается лидер преступного мира, пользующийся властью и авторитетом, в том числе, и среди профессиональных преступников, имеющий значительный криминальный опыт и наделенный таким статусом преступным собранием, т.е. «сходкой» за приверженность к преступным обычаям, традициям и нормам, принятым и действующим в воровском сообществе [24, с. 47].

В действующей судебной практике можно также найти попытки правоприменителя дать понятие вора в законе. В частности, Верховный Суд РФ в одном из своих Определений по уголовному делу вора в законе определил, как лицо, обладающие авторитетом в преступном мире и занимающее высшее положение в преступной иерархии [7].

Сам процесс приобретения лицом положения «вора в законе», называемый коронацией или посвящением в законники, имеет несколько стадий. В частности, С.В. Кондратюк выделяет подготовительную, исполнительную и завершающую стадии [37, с. 26] [36] [39]. Рассмотрим названные выше стадии.

Во-первых, на подготовительной стадии осуществляется подбор и обсуждение кандидатуры претендента на статус «вора в законе». На воровской титул могут претендовать авторитет, положенец или пацан, входящий в окружение законников. Претендент должен заручиться двумя письменными рекомендациями от воров в законе. При этом, поручителями могут быть лица, которые имеют стаж статуса «вора в законе» не менее трех или пяти лет. На этой же стадии по тюрьмам, колониям, следственным изоляторам рассылаются письма («малявы», «ксивы»), в которых сообщается, что конкретное лицо собирается короноваться. В ответ, если кому известна какая информация, порочащая воровскую честь должен сообщить об этом в «отдел коронации».

Во-вторых, исполнительная стадия представляет собой действия по организации и проведению собрания лидеров («воровской сходки») и наступает, если будет установлено на предварительной стадии, что кандидат достоин воровской короны. Назначается коронация, которая может быть проведена как на территории охраняемой зоны, так и за ее пределами. Детали самого процесса коронации неизвестны. Известно, что решение о коронации принимается большинством голосов и коронованный вор в законе дает клятву, в которой обязуется соблюдать воровские законы и принять смерть в случае предательства. Вору наносится татуировка, что более подробно будет

исследовано в следующей части настоящей главы выпускной квалификационной работы.

В-третьих, на завершающей стадии происходит оповещение других лиц преступного сообщества о принятом на «сходке» решения о присвоении статуса «вора в законе» конкретному лицу.

Как уже было отмечено выше, воровские традиции и законы подвержены трансформации. В частности, встречаются случаи, когда статус «вора в законе» был куплен за очень большие деньги, которые вносились в «общак». Более того, воровской титул присуждался лицам, которые не доказали своим опытом приверженность к воровским идейным понятиям, не имели судимостей или ни одной «ходки на зону». Современное воровское сообщество состоит из членов, которые совершают преступления, которые в 30-е года XX столетия запрещалось совершать (преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, вымогательство, убийство, изнасилование). Так, в 2012 году Андрей Казаков («Андрюша Калининградский»), бывший грабитель и насильник лиц престарелого возраста и охранник со стажем получил титул «вора в законе» [18].

Статус «воров в законе» урегулирован рядом запретов:

- иметь семью;
- брать в руки оружие;
- защищать интересы государства;
- иметь имущество;
- состоять в общественных организациях;
- допускать контакты с представителями власти;
- признавать свою вину;
- давать показания следственным и судебным органам;
- обманывать членов воровского сообщества;
- красть у своих [72, с. 41].

Кроме того, вор в закон обязан:

- поддерживать воровские традиции;

- проявлять принципиальность к вора, которые нарушили воровские традиции [83, с. 472].

Еще одним элементом статуса «вора в законе» является его ответственность. Предусмотрены три вида санкций, которые могут быть применены по отношению к вору в законе:

- публичная пощечина равным по «званию» (за мелкое оскорбление);
- бить по ушам, т.е. перевод в категорию мужиков;
- смерть в случае нарушения указанных выше требований к поведению вора в законе. При этом, вор не может рассчитывать ни на какое снисхождение после вынесенного «приговора», когда любой «уважающий себя арестант обязан при встрече с приговоренным привести приговор в исполнение» [12, с. 181].

Следует отметить, что некоторые из перечисленных запретов и обязанностей воров в законе также претерпели значительные изменения. В частности, «воры в законе» закрепляются в реальном секторе экономики, т.е. осуществляют предпринимательскую деятельность, имеют имущество, семью. Практике известно, когда «вор в законе» (Муха Люберецкий) письменным заявлением на имя начальника ГУ МВД отказался от своего статуса, за что лет 10-20 назад ему мог быть вынесен смертный приговор [72, с. 43].

Основными полномочиями вора в законе, являются:

- организация работа по консолидации криминальных структур;
- контроль преступной деятельности;
- руководство криминальными группировками и обществами;
- налаживание внутренних и внешних связей между криминальными группировками и сообществами;
- укрепление воровских традиций;
- разбор конфликтов;
- проведение «сходов»;

- контроль за «общаком», его пополнением и распределением [24, с. 47].

В доктрине возникает вопрос относительно авторитета, положенца и смотрящего. Так, В.В. Тулегенов считает, что авторитет и положенец - это криминальные звания, а смотрящий – должность [77, с. 18].

В указанном выше Определении Верховного Суда РФ [7] правоприменитель сформулировал определения положенца и смотрящего.

Так, под положенцем понимается доверенное лицо «вора в законе», поставленное этим же вором и действующего от его же имени в качестве главного человека в криминальном мире на территории отдельно взятого региона. Положенец может быть назначен таковым и на пересылке или в тюрьме «товарищами по этапу» или заключенными. После такого назначения вору в законе направляется «маявка» на утверждение. В свою очередь «вор в законе» данную кандидатуру одобряет посредством письма-прогона, с которым должны ознакомиться все заключенные.

Положенцем может стать человек, отслуживший в армии, что до недавнего времени препятствовало в дальнейшем ему иметь статуса «вора в законе». Однако уже известны воры в законе, имевшие армейское прошлое (Вова Питерский, Тимур Саратовский и др.).

Положенец обладает тем же объемом полномочий, что и вор в законе, за исключением права решающего голоса при принятии решения.

В отличие от положенца, смотрящего выбирает местная криминальная структура также в качестве главного на той или иной территории и ответственный за все происходящее на данной территории. Смотрищим может быть назначено лицо из числа бродяг, имеющих хорошую репутацию или мужиков, планирующих после освобождения вернуться к нормальной жизни [68, с. 14].

Смотрящий обладает следующими функциональными обязанностями:

- управляют неформальными процессами в исправительном учреждении;

- формируют и осуществляют контроль за поступлением средств в «общак»;
- определяет поведение и действия других осужденных;
- поддерживает порядок в исправительном учреждении [5].

Важно также обратить внимание на то, что по отношению к рассмотренным выше преступным стратам используются такие обобщающие понятия, как преступный авторитет и бродяга, охватывающие широкий круг лиц, относящихся к высшим слоям преступной иерархии [49, с. 14].

Таким образом, предметом культурологической экспертизы по установлению факта занятия лицом высшего положения в преступной иерархии являются неформальные нормы и правила поведения («воровские законы», «преступные традиции», «понятия», «тюремные законы», «наказы», «правила»), т.е. неписанные императивные нормы криминального мира, посредством которых урегулирована преступная иерархия, основания и порядок занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, а также положение такого лица в криминальном мире.

2.2 Атрибутивные элементы криминальной субкультуры у лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии

Следующим предметом культурологической экспертизы при расследовании занятия им высшего положения в преступной иерархии являются атрибутивные элементы криминальной субкультуры у конкретного лица. Атрибутивные элементы криминальной субкультуры представляют собой условную систему передачи информации, анализ которых позволяет идентифицировать и расшифровать заложенные в них скрытые смыслы.

Атрибутивные элементы криминальной субкультуры выполняют в преступном мире ряд функций:

- коммуникативную, так как являются специфическим средством устного, письменного или невербального общения преступников между собой;
- конспиративную, т.е. обеспечивают закрытость криминальной среды от других членов общества;
- опознавательную-стратификационную, так как позволяют установить принадлежность конкретного индивида к той или иной преступной касте [15, с. 113].

Указанные выше функции атрибутивных элементов криминальной субкультуры позволяют посредством производства культурологической экспертизы установить наличие у конкретного лица криминального статуса, т.е. его принадлежность к лидерам преступной иерархии.

Как известно, к атрибутивным элементам криминальной субкультуры относятся: татуировки, клички, жаргон [76, с. 43].

Далее следует более подробно рассмотреть указанные выше атрибутивные элементы криминальной субкультуры применительно к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

Итак, прежде всего, это татуировки, под которыми понимают наколотые на теле рисунки, надписи, символические элементы, даты, узоры [16, с. 10].

Опуская за рамки настоящего исследования исторический аспект происхождения татуировок, следует отметить только тот факт, что в криминальной среде татуировки наносятся с определенными мотивами.

В частности:

- высказаться посредством знаков, принятых в криминальной среде и тем самым подтвердить свою принадлежность к данному сообществу;
- подтверждение криминальной стратификации;
- отражение несогласия с ситуацией в которой оказался заключенный;
- биографические данные индивида (например, изображение собора с определенным количеством куполов: собор – наказание в виде

лишения свободы, количество куполов – количество лет, проведенных в местах лишения свободы за данный срок) [76, с. 115-116].

В уголовном мире татуировки выполняют роль своего рода «средства социальной стигматизации» [54, с. 52], т.е. являются определенным документом, позволяющим себя позиционировать определенным образом в местах лишения свободы и в криминальной среде, в целом. Так, татуировка до недавнего времени являлась обязательным атрибутом «воров в законе», которым, как было сказано в предыдущей части настоящей работы, она тождественно наносилась в процедуре «коронации». Коронованному вору в законе наносилась татуировка в виде пробитого кинжалом сердца, что несет в себе смысл – «смерть за измену» [78].

После коронации «вору в законе» могли наноситься и другие татуировки, указывающие на то, что данное лицо является «законником»:

- на грудь - парящий орел с короной на голове;
- карточные масти внутри креста;
- звезды - под ключицей [78].

О принадлежности лица к высшей преступной иерархии могут свидетельствовать также такие татуировки:

- перстень с пиковым тузом или «воровским (сияющим) крестом» - на среднем пальце;
- черно-белый ромб – на пальце;
- восьмиконечная звезда, означающая солидарность и смелость вора;
- пронизанный кинжалом окрыленный череп;
- пронизанная кинжалом пиковая масть наносилась бывшим ворами в законе;
- распятие с женщиной на кресте [2, с. 29];
- корона над змеей;
- лев в окружении меча, топора, лука, стрел, булавы и др. [79].

Кроме того, при производстве культурологической экспертизы важно знать, что наличие некоторых татуировок не является признаком воровского авторитета. Речь идет о татуировках в виде храмов, монастырей, что указывает лишь на тюремное прошлое ее носителя. Важно также отличать татуировки, которые имеют только внешнее сходство с татуировками так называемых «законников», но таковыми по сути не являются, а также самовольно наколотые татуировки, выполненные в тату-салонах, имеющие своей целью повышение своего криминального статуса и не имеющие идентификационного значения при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии.

Татуировки могут наноситься на разных частях тела. Как правило, уголовные татуировки одноцветны, хотя в последнее время появляются и цветные.

Обращая внимание в предыдущей части настоящего исследования на трансформацию регулятивных норм криминальной субкультуры, следует отметить, что данная тенденция не обошла стороной и ее атрибутивные элементы, в том числе и татуировки. Соглашаясь в целом с тем, что татуировки по-прежнему относятся к обязательному атрибуту криминального мира, следует также отметить, что уже не у всех новоиспеченных криминальных авторитетов они наличествуют.

Еще в 2003 году В.В. Тулегенов отразил в своей кандидатской диссертации результаты интервьюирования осужденных триста из трехсот опрошенных которые дали отрицательный ответ на вопрос о том отражают ли в настоящее время татуировки иерархию в преступном мире [76, с. 117]. При этом, 25,6 % всех осужденных не имеют татуировок, что свидетельствует о том, что субкультурная группа и типологизация по виду преступности не определяется наличием или отсутствием татуировок [76, с. 118]. В целом, можно сделать вывод о том, что в последнее время татуировки не являются отражением внутригрупповой иерархии и не выступают в качестве категорического императива отсутствие которых расценивалось бы как нечто

недозволенное. В то же время нельзя признать, что татуировка потеряла свою популярность и значение в местах лишения свободы. В связи с чем, необходимо изучать татуировки у осужденных, что позволит выявлять не только активных представителей уголовного мира, но лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Следует согласиться с В.А. Анфиногеновым, который предлагает проводить регулярные осмотры осужденных с целью ведения учета имеющихся у них татуировок, фиксировать их (татуировок) содержание и данные заносить в личное дело [4, с. 30]. Полученные данные могут составить наиболее полное представление о татуировках, как одного из атрибутивных элементов криминальной субкультуры с учетом изменений, происходящих в современном криминальном сообществе.

Следующим атрибутивным элементом криминальной субкультуры являются клички, под которыми понимают прозвище, заменяющее имя и полученное за какие-либо психологические особенности личности, совершенные поступки, либо производное от имени, фамилии или отчества и отражающие неформальный статус лица в субкультуре [76, с. 128].

Клички тюремной субкультуры можно классифицировать в зависимости от статуса (элитные, престижные, нейтральные, клички-оскорбления и позорные) и по происхождению (производные от имени, фамилии или отчества, отображающие психологические, физические или биографические данные личности) [76, с. 129-130].

Классификация кличек в зависимости от статуса позволяет выявить лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, которые имеют элитные или престижные клички.

В частности, наличие элитной клички говорит о некоторой исключительности ее носителя, обладающего непререкаемым авторитетом в преступном мире. Элитную кличку имеют 14,8 % «воров в законе». В.В. Тулегенов выводит следующую формулу элитной клички:

– «имя плюс титул» [76, с. 133].

Престижной кличкой обладают также лица, пользующиеся авторитетом в криминальном мире и занимающие высшее положение в преступной иерархии. К престижным кличкам относятся названия дворянских титулов, драгоценных камней и металлов (Вася Бриллиант [60]). Престижными являются также клички, образованные от имени и отчества [76, с. 133].

Нейтральные клички (образуются от фамилии, а также от каких-либо психологических, физических и биографических данных личности) не отражают статус лица в преступной стратификации.

Если обратиться к кличкам криминальных авторитетов, то по большей части они производны от фамилии, имени или отчества (67,5 %), например: Пачулия – Пачуля, Мурашов – Мураш, Лазо, Шато. В 8,8 % случаев клички связаны с какими-либо биографическими данными (местом жительства и проч.), например: Рудик Бакинский, Боря Брянский, Омар Уфимский, Тимур Свердловский. В 5,8 % случаев клички указывают на возраст или другие физические особенности личности, например: Шакро Молодой, Дед Хасан, Костя Шрам. Клички, указывающие на психические особенности лица, не относятся к престижным и такие клички криминальные авторитеты не носят.

Изначально кличка имела конспиративный характер, которые имели большинство рецидивистов для сокрытия своего имени [76, с. 128].

При этом, принятие клички являлась обязательным актом перехода лица в воровскую среду. Кличка или ее символ татуировалась на теле носителя и не менялась даже если становилась известна правоохранительным органам.

В настоящее время, лица, занимающее высшее положение в преступной иерархии могут иметь несколько кличек, что не несет цель сокрытия сведений от правоохранительных органов, тем более что данная информация очень быстро становится частью оперативных учетов. Наличие нескольких кличек является результатом преступной деятельности лица, отдельные этапы его на пути к занятию высшего положения в преступной иерархии (Малой – Черный – Дед). При этом важно обратить внимание на то, что действующего «вора в

законе» не все могут называть по старой кличке, за исключением его старых друзей, сокамерников, которые его знали еще в прежней кличке [15, с. 115].

По данным В.В. Тулегенова 11,6 % «воров в законе» вообще не имеют кличек, 67,4 % - имеют одну кличку, 15,8 – две клички, 4,2 % - три клички и 1 % - четыре клички [76, с. 131]. Объясняет такое положение исследователь в современном воровском мире тем, что кличка перестала носить свой конспиративный характер. В связи с чем, наличие или отсутствие клички также не является обязательным атрибутивным элементом, свидетельствующим о том, что данное лицо занимает высшее положение в преступной иерархии.

Однако автор настоящей работы ставит под сомнение сделанный В.В. Тулегеновым вывод. Если обратиться к кандидатской диссертации В.В. Тулегенова, то 11,6 % «воров в законе» не имеют кличек. Однако ранее ученый отмечал, что 100 % интервьюированных им осужденных на вопрос: «Употребляются ли уголовные клички в конспиративных целях?» ответили отрицательно. При этом, как сам же В.В. Тулегенов отметил, «если кличка употребляется с конспиративной целью, эти сведения не будут разглашаться в ходе интервьюирования» [76, с. 129]. Следовательно, выявленные исследователем 11,6 % «воров в законе» не имеющих кличек вовсе не означает их отсутствие у них, а может являться следствием сохраняющейся конспирации как самого преступного авторитета, так и осуществляемой им деятельности.

Таким образом, клички, имея своей функциональной особенностью закрепление статуса лица в преступной иерархии также в отдельных случаях продолжают служить средством конспирации.

Обязательным атрибутом криминальной субкультуры является преступный язык – жаргон, который еще называют «аргон», «феня» [15, с. 113].

В уголовном жаргоне, по словам М.В. Гусева, отражается «преступный стиль мышления», в основе которого лежит язык мелких торговцев, ходивших

по деревням с иконами, лубочными изделиями [26, с. 114]. Однако вызывает сомнение тот факт, что своим функциональным предназначением уголовный жаргон служит целям конспирации, так как по справедливому замечанию Д.С. Лихачева, «воровская речь может только выдать вора, а не скрыть задумываемое им предприятие: на воровском языке принято обычно говорить между своими и по большей части в отсутствии посторонних» [48, с. 357]. Поэтому следует согласиться с теми учеными, по мнению которых, жаргон выступает по большей части в качестве средства «самоутверждения, адаптации и самовыражения» [47, с. 35], знание которого «в определенных случаях оказывает влияние на статус осужденного» [4, с. 32].

Нельзя отрицать такого, что одним из назначений уголовного жаргона является выявление с его помощью лиц, подосланных правоохранительными органами [3, с. 79].

При установлении принадлежности лица к высшей ступени преступной иерархии также необходимо знание уголовного жаргона, без которого невозможно не только разбираться в преступной иерархии, но и понять криминальные нормы и правила. Кроме того, посредством культурологического исследования таких объектов как фонограммы телефонных переговоров и других различных видов электронной коммуникации, получаемых в ходе оперативно-розыскной деятельности позволяют установить по речевому поведению, а именно владению уголовным жаргоном факта занятия лицом высшей позиции в организованном преступном сообществе [21, с. 31], т.е. признание его лицом, обладающим криминальным авторитетом, а, следовательно, являющимся субъектом состава занятия лицом высшего положения в преступной иерархии.

Таким образом, проведенный анализ атрибутивных элементов криминальной субкультуры, позволяет сделать вывод о том, что они также, как и регулятивные элементы криминальной субкультуры подверглись существенной трансформации. Как было сказано в самом начале настоящего параграфа атрибутивные элементы, представляя собой условную систему

передачи информации, содержали в себе скрытые от других членов общества смыслы и были призваны оградить криминальный мир от проникновения в него посторонних лиц. В настоящее время, даже среди преступных авторитетов не является обязательным отбывание наказания в местах лишения свободы, что воспринимается больше как вынужденная мера (например, «вор в законе» Николай Кузьмичев (Коля Томский), будучи коронованным ни разу не отбывал наказания [19]). В результате изменяется отношение и к атрибутивным элементам криминальной субкультуры, снижается интерес к татуировкам, которые воспринимаются в качестве одной из угроз личной безопасности ее носителя, подтверждающей его причастность как к преступному миру в целом, так и к высшей преступной иерархии, в частности. Реже лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, также как и другие члены криминального сообщества используют преступный жаргон, выступающий сегодня больше как «средство самоутверждения, адаптации и самовыражения» [54, с. 56] и совершенно не имея уже конспиративного характера, позволяющего скрыть элементы преступного образа жизни.

Однако, несмотря на это, атрибутивные элементы криминальной субкультуры не утрачивают своего значения при раскрытии и расследовании преступлений, в частности, занятия высшего положения в преступной иерархии с учетом современной тенденции их изменения.

2.3 Проблемы и практика производства судебной культурологической экспертизы по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии

Основная сложность при квалификации состава занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, связана с оценочностью таких понятий, как «преступная иерархия» и «высшее положение». В действующем уголовном законе законодатель не сформулировал понятие указанных

категорий, в связи с чем, на практике достаточно проблематично установить статус лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Если обратиться к практике, то данные о занятии лицом высшего положения в преступной иерархии, а также обоснованность подозрения в причастности к событию преступления, подтверждаются: постановлением о возбуждении дела; рапортом об обнаружении признаков преступления; постановлением о предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности; сообщения начальника УФСИН России, а также свидетельскими показаниями.

К примеру, на предварительном следствии было установлено, что, начиная с мая 2011 года по настоящее время, гражданин Российской Федерации ФИО1, уроженец с. Могох Гергебильского района Республики Дагестан, на территории Российской Федерации занимает высшее положение в преступной иерархии. В апелляционном постановлении Верховного Суда РФ факт занятия ФИО1 высшего положения в преступной иерархии обосновывался тем, что ФИО1 сам причисляет себя к категории «воров в законе», воспринимается в данном качестве другими лицами как в преступной среде, так и сотрудниками правоохранительных органов. Кроме того, в исследуемом документе было указано на функции, которые выполняет ФИО1 будучи «вором в законе», а именно: осуществляет организацию, руководство и координацию преступной деятельности на территории Республики Дагестан [8].

Однако, из приведенных данных, изложенных в апелляционном постановлении Верховного Суда РФ, затруднительно сделать вывод о том, что ФИО 1 занимает высшее положение в преступной иерархии.

Интересен также такой пример из судебной практики.

Так, Первым Апелляционным судом общей юрисдикции было оставлено без изменений постановление областного суда о возвращении уголовного дела прокурору в отношении Атабекян, который обвинялся по ст. 210¹ УК РФ.

Государственный обвинитель в своем апелляционном представлении указал на то, что «преступная иерархия» и «высшее положение в преступной иерархии», будучи оценочными категориями, не требуют их раскрытия в обвинительном заключении, т.к. подлежат оценке судом.

Кроме того, государственный обвинитель считал необоснованными утверждения суда о необходимости указания в обвинительном заключении обстоятельств получения Атабекян криминального статуса, доказательств приверженности его преступной идеологии, процесса формирования его мировоззрения и специальных правил криминального сообщества, поскольку объективную сторону ст. 210¹ УК РФ составляет сам факт занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, а не события и действия, предшествующие этому. По мнению автора апелляционного представления, следователем достаточно полно изложены в обвинительном заключении права и обязанности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Государственный обвинитель обратил внимание на отсутствие нормативной регламентации порядка приобретения статуса «вора в законе», в связи с чем, волеизъявление Атабекян, способ его участия в церемонии «коронации» и обстоятельства посещения места ее проведения не влияют на юридическую оценку действий Атабекян.

При рассмотрении данного дела, судебной коллегией по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции было установлено, что в обвинительном заключении прокурора не были соблюдены требования п. 3 ч. 1 ст. 220 УПК РФ.

Так, описывая в обвинительном заключении объективную сторону ст. 210¹ УК РФ, следователь, наряду обстоятельствами получения в 2016 году криминального статуса «вора в законе», указал, что Атабекян, имея данный статус, использует его в преступной среде в целях организации, планирования, руководства, контроля и координации преступной деятельности, пропагандирует «воровские идеи», сплачивая под ними лиц криминальной направленности. При этом, следователь не конкретизировал какие именно

действия осуществлял Атабекян в рамках реализации указанных выше целей, в чем выразились эти действия, когда и где они были совершены.

Вопреки доводам апелляционного представления, как правильно отметил суд первой инстанции, такие абстрактные формулировки создают неопределенность обвинения. Утверждение автора апелляционного представления о том, что объективную сторону ст. 210¹ УК РФ, образует факт занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, без обязательного указания на совершение этим лицом каких-либо неправомерных действий, связанных с использованием этого статуса, по мнению судебной коллегии, не основано на законе, поскольку противоречит ст. 14 УК РФ.

Кроме того, по мнению судебной коллегии, отсутствие в обвинительном заключении понятия «высшего положения в преступной иерархии» является существенным недостатком, который, вопреки утверждению государственного обвинителя об обратном, нельзя восполнить судебной оценкой по итогам судебного разбирательства, поскольку это будет противоречить требованиям ст. 15 УПК РФ [6].

К.А. Шилов, рассматривает в своей статье уголовное дело по обвинению Озманова Ш.Т. по ст. 210.1 УК РФ, по которому был вынесен обвинительный приговор 7 октября 2020 года Московским городским судом города Москвы (документ по данному делу официально опубликован не был). В частности, К.А. Шилов указывает на то, что в фабуле данного дела была только ссылка на то, что Озманов Ш.Т. был «коронован ворами в законе», а какие-либо сведения о том, как Озманов Ш.Т. занял высшее положение в преступной иерархии – отсутствуют [89, с. 84, 85]. Соответственно отсутствуют и какие-либо экспертные заключения о том, что коронация «вора в законе» прошла в соответствии с существующими криминальными регулятивными нормами (традициями, обычаями). В данном случае сложности заключаются в предмете исследования, т.к. оценить порядок проведения коронации вора в законе в соответствии с существующими криминальными традициями и обычаями практически невозможно в виду отсутствия документальных подтверждений

данной коронации. Что касается наличия в некоторых случаях «засекреченных конфидентов» во время коронации, то их допрос крайне затруднен. Показания же лица, которое само лично не присутствовало на коронации и не может сослаться на источник своей осведомленности, не могут быть положены в основу обвинения в силу п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ.

В основу обвинения Озмано́ва Ш.Т. были положены следующие средства доказывания:

- протокол освидетельствования Озмано́ва Ш.Т., в котором описаны обнаруженные на его теле татуировки;
- заключение судебной культурологической экспертизы, согласно которому, обнаруженные на теле подэкспертного Озмано́ва Ш.Т. татуировки соответствует тем татуировкам, которые наносятся на тело лиц, имеющих криминальный статус «вора в законе» (восьмиконечная звезда в районе коленей и ключицы, кресты, пауки);
- записка (воровской прогон), выполненная на бумаге, адресованная заключенным под стражу в СИЗО «Пресня» и подписанная ворами в законе, среди которых подпись Озмано́ва Ш.Т.;
- свидетельские показания засекреченных сотрудников правоохранительных органов о том, при каких обстоятельствах была изъята записка. Кроме того, свидетели оценили татуировки на теле Озмано́ва Ш.Т., их значение и последствия ношения [73, с. 46-47].

В мае 2021 года Саратовский областной суд вынес обвинительный приговор Асатряну С.Э. по ст. 210¹ УК РФ. Вина Асатряна С.Э. в том, что он занимает высшее положение в преступной иерархии, была установлена совокупностью следующих доказательств:

- показаниями свидетелей, в том числе и лицами, отбывающими наказания;
- «прогонами», т.е. обязательные к исполнению заключенными указания авторитетных заключенных;

- заключением криминалистической экспертизы из которого следовало, что татуировка паука, ползущего вверх на теле Асатряна С.Э., означает, что ее носитель является профессиональным преступником, который не намерен прекращать свою преступную деятельность. Восьмиконечная звезда на брюшке паука и на коленях означают, что данное лицо занимает высшее положение в преступной иерархии. Изображение восьмиконечных звезд на коленях несет смысл «никогда не встану на колени перед кем-либо». В заключении отмечено, что такие татуировки наносятся на тело только лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии [71].

Как можно заметить, сложность в обосновании обвинения по ст. 210¹ УК РФ заключается в необходимости применения специальных знаний в области криминальной субкультуры, в частности, о порядке признания лица вором в законе, ритуалом его «коронации», особенностями его положения в системе преступной иерархии, а также обоснование высокого криминального статуса у виновного наличием на его теле соответствующих татуировок. Кроме того, во всех доступных и рассмотренных материалах судебной практики культурологическая экспертиза проводилась только относительно имеющихся на теле виновного татуировок. Тогда как, предмет культурологической экспертизы не исчерпывается только татуировками, но включает в себя и такие атрибутивные элементы криминальной субкультуры, как клички и жаргон, а также регулятивные нормы, закрепившие криминальную стратификацию, порядок занятия лицом того или иного высшего положения в преступной иерархии.

Более того, несмотря на возрастающую потребность в проведении культурологической экспертизы при расследовании занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, данный вид экспертиз на практике применяется не всегда. Связано это, как уже отмечалось выше, с тем, что данный вид экспертного исследования еще только находится в процессе

самоопределения и поиске своего места среди других видов экспертиз [70, с. 6].

В доктрине все больше ученых высказываются за необходимость проведения культурологической экспертизы, позволяющей установить факт занятия лицом высшего положения в преступной иерархии.

Так, А.А. Карпов, Д.В. Кохман и А.Н. Грибцов, исследуя вопросы привлечения к уголовной ответственности за занятия высшего положения в преступной иерархии, называют шесть групп сведений, которые могут лечь в основу доказывания рассматриваемого состава преступления:

- содержание криминальных традиций и обычаев, которые устанавливаются посредством производства культурологической экспертизы атрибутивных и регулятивных элементов криминальной субкультуры;
- правила и производство процедуры занятия лицом высшего положения в преступной иерархии;
- полномочия лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии;
- свидетельские показания (из числа лиц преступного мира или осужденных), подтверждающие факт занятия лицом высшего положения в преступной иерархии;
- сведения, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий либо иных процессуальных действий сотрудников правоохранительных органов в ходе которых изъяты фото- и видеоматериалы, письменные документы, фонограммы телефонных переговоров и другие средства электронной коммуникации, подтверждающие факт занятия лицом высшего положения в преступной иерархии;
- справки и иные сведения из Национального бюро Интерпола МВД РФ о контактах конкретного лица при его выезде за рубеж [30, с. 167].

Действительно, культурологическая экспертиза при расследовании занятия лицом высшего положения в преступной иерархии посредством решения идентификационных, регулятивных и атрибутивных задач, позволит установить наличие или отсутствие у лица регулятивных и атрибутивных элементов криминальной субкультуры.

Как уже было установлено в настоящей выпускной квалификационной работе, предметом культурологической экспертизы являются регулятивные и атрибутивные элементы криминальной субкультуры.

Объектом культурологической экспертизы являются, предоставляемые конкретные материальные предметы для исследования (например, татуировки), а также явления криминальной субкультуры (например, правила и порядок занятия лицом высшего положения в преступной иерархии), заключающие в себе различные символические смыслы, означающие принадлежность лица к высшей ступени преступной стратификации.

В целом, посредством культурологической экспертизы решается вопрос о соответствии или несоответствии действующим регулятивным нормам криминальной субкультуры порядка занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, а также наличествующие или отсутствующие у подэкспертного лица атрибутивные элементы (татуировки, клички, владение уголовным жаргоном) атрибутивным элементам криминального авторитета.

Одним из спорных на практике является вопрос о том, к кому обращаться за экспертными оценками, у кого выяснять какой статус в преступной иерархии или «должность» занимает виновный, проходил ли он обряд «коронации». М.Л. Прхорова и Л.А. Прхоров считают, что ответы на данные вопросы можно получить у представителей преступного мира [66].

Анализ сложившейся судебной практики показывает, что подтверждением «статуса» лица, которое может занимать высшее положение в преступной иерархии, – вора в законе, положенца, смотрящего, бродяги, – могут выступать:

- показания сотрудников учреждений, осуществляющих изоляцию от общества;
- показания свидетелей (лиц, пребывающих совместно с носителями «статусов» в учреждениях уголовно-исполнительной системы);
- результаты оперативно-розыскных мероприятий «Прослушивание телефонных разговоров»;
- протоколы осмотра предметов, документов, фиксирующих переговоры или письменные негласные распоряжения носителей «статусов»;
- результаты лингвистической экспертизы терминологии, используемой при осуществлении переговоров и отдаче распоряжений носителями «статусов»;
- факты реализации указаний носителей «статусов» лицами, содержащимися в местах изоляции от общества (конфликты между осужденными, массовые протесты и т.д.).

Из текста апелляционного определения Новосибирского областного суда от 5 октября 2016 г. по делу № 22-5764/2016: «Выводы суда о возникновении между А. и Ш., являющимися лидерами уголовно-криминальной среды, конфликтной ситуации из-за сфер влияния основаны не только на показаниях сотрудников ГУФСИН, но и на письменных материалах дела <...> Согласно показаниям свидетеля Б., А. посредством нелегальной переписки распространил среди спецконтингента <адрес> письменное сообщение, обязательное для исполнения всеми заключенными и арестованными, о том, что Ш. «вором в законе» не является <...> из протокола осмотра предметов, документов, изъятых в ходе обыска в жилище А., следует, что в памяти изъятого сотового телефона имеется сообщение о том, как относиться к Р. <...> М., согласно результатам оперативно-розыскного мероприятия «Прослушивание телефонных разговоров», протоколу осмотра CD-R диска № __, файл № __, докладывает С. о направлении данных А. и Б., а

от А. получает указание «заморозить, заделать Б. «зайти и выкинуть..., сломать» [5].

Из указанного апелляционного определения следует, что суд признал конфликт по поводу утраты статуса, смотрящего обоснованным фактом проведения так называемого «воровского прогона» другим лицом (новым смотрящим). Из текста апелляционного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 51-АПУ18-4: «Свидетель показал также, пояснил, что сам видел письмо, в котором сказано, что 10-тью «ворами в законе», в т.ч. и «М.» ставится на положение в Алтайском крае «У.» наряду с «М.» [7].

Таким образом, проведенный во второй главе анализ производства судебной культурологической экспертизы при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, были исследованы регулятивные элементы криминальной субкультуры у лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Рассмотрены и определены понятия таких регулятивных норм криминальной субкультуры, как тюремные и воровские, которые находятся в состоянии постоянной трансформации в соответствии с политическими и экономическими условиями жизни общества и государства. Соответствующими неписанными императивными нормами криминального мира урегулирована преступная иерархия, т.е. криминальная стратификация. Автором был сделан вывод о том, что высшее положение в преступной иерархии неправильно ограничивать только криминальными титулами воровского сообщества. Более подробно был исследован статус воров в законе, положенцев и смотрящих, так как предметом культурологической экспертизы при установлении факта занятия лицом высшего положения в преступной иерархии является конкретный статус отдельного лица, особенности его приобретения (ритуал) и наличие отличительных атрибутивных элементов.

В-вторых, предметом культурологической экспертизы при расследовании занятия им высшего положения в преступной иерархии являются атрибутивные элементы криминальной субкультуры, которые представляют собой условную систему передачи информации, анализ которых позволяет идентифицировать и расшифровать заложенные в них скрытые смыслы. Проведенный анализ атрибутивных элементов криминальной субкультуры, позволил сделать вывод о том, что, несмотря на изменение отношения со стороны лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии к атрибутивным элементам криминальной субкультуры, данные элемент не утрачивают своего значения при раскрытии и расследовании преступлений, с учетом современной тенденции.

В-третьих, сложность в обосновании обвинения по ст. 210¹ УК РФ заключается в необходимости применения специальных знаний в области криминальной субкультуры, в частности, о порядке признания лица вором в законе, ритуалом его «коронации», особенностями его положения в системе преступной иерархии, а также обоснование высокого криминального статуса у виновного наличием на его теле соответствующих татуировок. Кроме того, зачастую на практике культурологическая экспертиза проводится только относительно имеющихся на теле виновного татуировок. Тогда как, предмет культурологической экспертизы шире и включает в себя такие атрибутивные элементы криминальной субкультуры, как клички и жаргон, а также регулятивные нормы, закрепившие криминальную стратификацию, порядок занятия лицом того или иного высшего положения в преступной иерархии. В целом, посредством культурологической экспертизы решается вопрос о соответствии или несоответствии действующим регулятивным нормам криминальной субкультуры порядка занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, а также наличествующие или отсутствующие у подэкспертного лица атрибутивные элементы и их соответствие атрибутивным элементам криминального авторитета.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволили сделать следующие выводы о проделанной работе и сформулировать предложения и практические рекомендации.

Во-первых, при рассмотрении понятия и содержания специальных культурологических знаний, было установлено, что при установлении лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, важное значение имеют специальные знания не только относительно психической сферы преступника, но и о криминальном «мире», который в своей совокупности образует определенную криминальную субкультуру.

Во-вторых, в работе были сформулированы следующие определения:

Специальные знания - знания из конкретной отрасли науки, техники, искусства, ремесла и права, не являющиеся общедоступными и общеизвестными, полученные в результате практической и профессиональной деятельности с целью получения доказательственной информации и использования в процессе раскрытия и расследования преступлений. Для решения проблемы разночтения в определении понятия специальных знаний было предложено в действующий УПК РФ в ст. 5 закрепить легальную дефиницию.

Криминальная субкультура - характерные особенности криминальных взаимоотношений, включающих систему неофициально установленных обычаев, традиций, норм и правил поведения, способствующих осуществлению преступной деятельности.

Специальные знания, используемые при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии - знания в области криминальной субкультуры, составляющими элементами которых являются регулятивные и атрибутивные элементы, включающие неформальные нормы и правила поведения, стратификацию преступников, уголовные татуировки, клички, жаргон и другая доказательственная информация, которая позволяют сделать

вывод о том, что конкретное лицо занимает высшее положение в преступной иерархии.

Культурологическая экспертиза - установленная законом процедура, включающая в себя проведение исследований в конкретной области культуры и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных культурологических знаний.

В-третьих, в работе были исследованы регулятивные элементы криминальной субкультуры у лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Рассмотрены и определены понятия регулятивных норм криминальной субкультуры.

Автором был сделан вывод о том, что высшее положение в преступной иерархии неправильно ограничивать только криминальными титулами воровского сообщества, а также включает лиц, обладающих признаками лидерства в преступной иерархии и определяется числом этих «преступных иерархий» в существующий на данный момент в криминальной среде.

В-четвертых, акцентировано внимание на том, что предметом культурологической экспертизы при установлении факта занятия лицом высшего положения в преступной иерархии является конкретный статус отдельного лица, особенности его приобретения и наличие отличительных атрибутивных элементов. Основной задачей эксперта, является определение соответствия процесса занятия лицом конкретного криминального статуса, существующим нормам, традициям криминального сообщества.

В-пятых, установлено, что атрибутивные элементы криминальной субкультуры выполняют в преступном мире ряд функций: коммуникативную, конспиративную и опознавательную-стратификационную, так как позволяют установить принадлежность конкретного индивида к той или иной преступной касте. Указанные выше функции атрибутивных элементов криминальной субкультуры позволяют посредством производства культурологической экспертизы установить наличие у конкретного лица криминального статуса т.е. его принадлежность к лидерам преступной иерархии.

Атрибутивные элементы криминальной субкультуры подверглись существенной трансформации, снижается интерес к татуировкам, которые воспринимаются в качестве одной из угроз личной безопасности ее носителя, подтверждающей его причастность как к преступному миру в целом, так и к высшей преступной иерархии, в частности. Реже лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, также, как и другие члены криминального сообщества, используют преступный жаргон, выступающий сегодня больше как «средство самоутверждения, адаптации и самовыражения» и совершенно не имея уже конспиративного характера, позволяющего скрыть элементы преступного образа жизни.

Однако, несмотря на это, атрибутивные элементы криминальной субкультуры не утрачивают своего значения при раскрытии и расследовании преступлений, в частности, занятия высшего положения в преступной иерархии с учетом современной тенденции их изменения.

На основании обобщения изложенного, необходимо обратить внимание на то, что перспективным при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии видится развитие институциональных основ культурологической экспертизы, посредством которой возможно решить вопрос о соответствии или несоответствии действующим регулятивным нормам криминальной субкультуры порядка занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, а также наличествующие или отсутствующие у подэкспертного лица атрибутивные элементы и их соответствие атрибутивным элементам криминального авторитета.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. М. : Права человека, 2002. 179 с.
2. Алферов Ю.А. Пенитенциарная социология: аудиовизуальная диагностика (татуировки, жаргон, жесты). В 2-х ч. Домодедово, 1996. Ч. 1. 177 с.
3. Антонян Е.А. Криминальная субкультура осужденных // Философские науки. 2010. № 5. С. 72-81.
4. Анфиногенов В.А. Атрибутивные элементы субкультуры осужденных и их влияние на образ жизни в исправительных учреждениях // Юрист Юга России и Закавказья. 2016. № 2 (14). С. 28-32.
5. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 05.10.2016 по делу № 22-5764/2016. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#id=e6e691a23489628f2409b53aee9dac74&shard> (дата обращения: 15.07.2021).
6. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 16.09.2020 г. № 55-1421/2020 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
7. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 51-АПУ18-4 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
8. Апелляционное постановление Верховного Суда № 22К-1881/2019 К-1881/2019 от 12.09.2019 г. по делу № 22К-1881/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 15.06.2021).
9. Арсеньев В.Д., Заболоцкий В.Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств дела. Красноярск, 1986. 220 с.
10. Астафьева О. Н. Экспертно-аналитическая дельность как системно-структурированное знание // Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт. СПб., 2011. С. 9-10.

11. Барабанов Н.П. Криминальная субкультура осужденных в исправительных учреждениях: «воры в законе», «воровские группировки», лидеры уголовно-преступной среды, криминальные «авторитеты» // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 1 (19). С. 17-25.

12. Барабанов Н.П. Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осужденных // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 2. С. 177-182.

13. Барабанов Н.П., Даудов А.В., Казак И.Б. Криминальная субкультура осужденных: теоретический, криминологический, психологический аспекты, функциональный механизм: монография. Рязань: академия ФСИН России, 2009. 316 с.

14. Барабанов Н.П., Михайлин В.В., Моисеев Н.Д. Понятийная характеристика криминальной субкультуры осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3 (21). С. 16-24.

15. Батоев В.Б., Десятов М.С. Тайный язык профессиональной преступности (оперативно-разыскной аспект) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 2 (20). С. 112-116.

16. Бронников А.Г. Татуировки осужденных. Их классификация и криминалистическое значение: Альбом (учебно-популярное пособие). М. : Издательство ЦС «Динамо», 1980. 150 с.

17. Виденькина Ж.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем: дисс. ... канд.ж юрид. наук. М., 2012. 199 с.

18. Вор Андрей Казаков совсем не «калининградский» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.mzk1.ru/2017/11/vor-andrej-kazakov-sovsem-ne-kaliningradskij/> (дата обращения 16.07.2021).

19. Вор в законе Коля Томский [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.mzk1.ru/2019/05/vor-v-zakone-kolya-tomskij/> (дата обращения: 10.08.2021).

20. Вошинчук А.Н. Роль и значение культурологической экспертизы в Республике Беларусь на современном этапе // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2019. № 1 (45). С. 163-167.

21. Галяшина Е.И. Использование результатов судебной лингвистической экспертизы телефонных и иных переговоров в целях выявления организатора или руководителя организованного преступного сообщества // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 25-31.

22. Гирько С.И., Белянский Е.Б. Законодательные основы оперативно-розыскного противодействия преступлениям общеуголовной направленности, совершаемым лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии // Научный портал МВД России. 2016. № 3 (35). С. 52-59.

23. Годунов В.И. Организованная преступность от расцвета до заката. М.: академический Проект, 2008. 344 с.

24. Гриб В.Г. Характеристика и особенности личности лидеров участников преступных сообществ, действующих в экономике и других сферах: правотворчество и правоприменительный процесс в современной России. М. : МФП, 2007. 154 с.

25. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М. : Юридическая литература, 1990. 360 с.

26. Гусев М.В. Проблема распространения криминальной субкультуры в России // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. № 5 (63). С. 106-111.

27. Загребин С.С. Культурологическая экспертиза в системе культурной политики современного российского государства / С.С. Загребин // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Т. 4. Культурная политика / Отв. ред. Д.Л. Спивак. Санкт-Петербург : Алетейя, 2008. С. 54-57.

28. Зезьянов В.П. Роль, место и значение специальных знаний в криминалистике: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1994. 30 с.

29. Ишигеев В.С., Романова Н.Л., Лапша В.Л. Криминальная субкультура и ее роль в определении высшего положения в преступной иерархии (вопросы квалификации статьи 210¹ УК РФ) // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2020. № 2 (93). С. 82-87.

30. Карпов А.А., Кохман Д.В., Грибцов А.Н. Уголовно-правовое регулирование ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии: особенности квалификации и перспективы законодательного совершенствования // Вестник Воронежского института ФСИИ России. 2021. № 1. С. 162-171.

31. Князева М.Л. Культурологическая экспертиза информационного продукта: в поисках системности // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. № 3. С. 13-27.

32. Кондратьева И.В. К понятию и значению культурологической экспертизы // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 919-924.

33. Кондратьева И.В. Культурологическая экспертиза: основные понятие и значение // В сборнике: Трансформация научных парадигм и коммуникативные практики в информационном социуме. Сборник научных трудов конференции. Национальный исследовательский Томский политехнический университет. 2013. С. 137. С. 136-139.

34. Кондратюк С.В. Доказывание лидерства в преступной иерархии // Вестник Академии права и управления. 2021. № 2 (63). С. 51-57.

35. Кондратюк С.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: конкретизация конструктивных признаков // Законность. 2021. № 8(1042). С. 49-53.

36. Кондратюк С.В. Информационные источники следственной и судебной профилактики преступного занятия высшего положения в преступной иерархии // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции: Сборник материалов I Всероссийской

научно-практической конференции, Москва, 27 января 2021 года. Москва: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2021. С. 303-308.

37. Кондратюк С.В. Квалификация соучастия в занятии высшего положения в преступной иерархии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 1 (44). С. 24-30.

38. Кондратюк С.В. Квалификация соучастия в занятии высшего положения в преступной иерархии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 1(44). С. 24-30.

39. Кондратюк С.В. Криминологическая профилактика занятия высшего положения в преступной иерархии // Криминологические чтения: Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию Прокуратуры России. В 2-х томах, Улан-Удэ, 27 мая 2021 года / Науч. ред. Э.Л. Раднаева, отв. ред. Н.С. Маркова. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2021. С. 258-264.

40. Кондратюк С.В. Способ совершения преступления в структуре занятия высшего положения в преступной иерархии // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 2(98). С. 193-199.

41. Кондратюк С.В. Судебно-психологическая экспертиза в расследовании преступного лидерства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 4 (43). С. 5-9.

42. Картунов В.В., Шелект В.О. К вопросу о философско-культурологическом обосновании гуманитарной экспертизы социально-политических процессов // Сервис plus. 2014.Т.8. № 4. С. 9-14.

43. Кривич Н.А., Никифорова Л.В. Культурологическая экспертиза: предыстория, современное состояние и перспективы развития // В сборнике: Пространство и бытие современной культуры: теоретические и прикладные аспекты исследования. 2016. С. 17-27.

44. Кутякин С.А. Влияние «воров в законе» на криминологическую ситуацию в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2 (18). С. 65-70.

45. Кутякин С.А. Организация противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России: монография. Рязань: академия ФСИН России, 2012. 362 с.

46. Лебедев С.Я./ Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность. Омск : ВШМ МВД СССР, 1989. 240 с.

47. Лебедев С.Я. Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность: Учебное пособие. Омск : ВШМ МВД СССР, 1989. 190 с.

48. Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи: Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.Н. Белько, И.М. Юсупов. М. : Края Москвы, 1992. С. 357-363.

49. Максименко М.В., Гашев Е.Е. Современная структура и состояние преступной иерархии. Пермь, 2021. 45 с.

50. Мамошин А.А., Мамошин М.А. Специалист и эксперт как носители специальных знаний в уголовном судопроизводстве // В сборнике: Правовые, социально-гуманитарные и экономические проблемы в фокусе научных исследований Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией С.Е. Туркулец. 2016. С. 80-84.

51. Махов В.Н. Развитие функций специалиста в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 2. С. 122-126.

52. Мацкевич И.М. Криминальная субкультура // Российское право в Интернете. 2005. № 1. С. 5-8.

53. Мацкевич И.М. Портреты знаменитых преступников. М. : ПолиграфОпт, 2005. 415 с.

54. Метелев А.В. Криминальная субкультура. Ижевск, 2009. 120 с.

55. Мондохонов А.Н. Новеллы уголовного законодательства в сфере противодействия организованной преступности: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2019. № 3. С. 53-58.

56. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1995. 1080 с.

57. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 г. № 3612-1) (ред. от 01.04.2020) // Российская газета. 1992. 17 ноября. № 248.

58. Перекрестов В.Н. Борьба с социально-негативным поведением как способ предупреждения преступности: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1999. 33 с.

59. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь : ИПП «Приз», 1994. 160 с.

60. Подробно о легендарном воре в законе Владимире Бабушкине (Васе Бриллианте) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://fsin-pismo-gid.ru/istoriya/podrobno-o-legendarnom-vore-v-zakone-vladimire-babushkine-vase-brilliante#i-2> (дата обращения: 15.07.2021).

61. Поздняков М.А. Понятие и признаки специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 155-161.

62. Порозов Р.Ю. Вандальное поведение: методы культурологической экспертизы // В сборнике: Социальные и культурные процессы в российском приграничье. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Редакционная коллегия: П.Л. Зайцев, Л.А. Закс [и др.]. 2017. С. 312-319.

63. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

64. Прокументов Л. М. Уголовно-правовые проблемы противодействия организации преступного сообщества (преступной организации) или участия (в ней) // Уголовная юстиция. 2016. № 1 (7). С. 10-15.

65. Пространство университетской повседневности: прикладное исследование в формате культурологической экспертизы / Л.В. Никифорова [и др.] // Universum: Вестник Герценовского университета. 2011. № 7. С. 60-70.

66. Прохорова М.Л., Прохоров Л.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: эволюция уголовно-правового «статуса» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 289-292.

67. Родин С.Г. Понятие и сущность криминальной субкультуры // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 2. С. 287-291.

68. Ромашов Р.А. Пенитенциарная преступность: категориально-феноменологический и структурно-функциональный анализ // Вестник Самарского юридического института. 2013. № 3(11). С. 14-17.

69. Савельева Е.Н. Художественно-образные формы неявной пропаганды нацизма как предмет культурологической экспертизы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 393. С. 104-108.

70. Садохин А.П. Теоретико-методологические ресурсы культурологической экспертизы // Культурологический журнал. 2012. № 3(9). С. 5-18.

71. Саратовский областной суд вынес приговор «вору в законе» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://oblsud.sar.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1698 (дата обращения: 10.08.2021).

72. Сенатов А.В. Трансформация традиций криминальной субкультуры в отношении лидеров уголовно-преступной среды // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2020. № 3 (25). С. 40-45.

73. Скобликов П.А. Первый приговор по обвинению в занятии высшего положения в преступной иерархии: освещение в СМИ и значение для правоприменительной практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 4 (27). С. 43-51.

74. Советский энциклопедический словарь. М., 1980. 980 с.

75. Социологический словарь / Под ред. С.А. Ерофеева. Казань : Изд-во Казанского университета, 1997. 470 с.

76. Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение: Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 228 с.

77. Тулегенов В.В. Криминологическая сущность понятия «смотрящий» // Вестник Пермского института ФСИН России. 2013. № 1. С. 15-19.

78. Тюремные будни. Часть 4. Разделение заключенных: касты, масти, разряды [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.mzk1.ru/2010/11/zhizn-i-tyurma-chast-4-razdelenie-zaklyuchennykh-kasty-masti-razryady/> (дата обращения: 01.08.2021).

79. Тюремные будни. Часть 5. Натальная живопись [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.mzk1.ru/2010/12/tyurma-i-zhizn-chast-5-natel'naya-zhivopis/> (дата обращения: 01.08.2021).

80. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921.

81. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

82. Федеральный закон от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

83. Федотова А. В., Безлепкина О. В. Исторический аспект образования преступного феномена «вор в законе» в Российском государстве // Уголовная политика и правоприменительная практика. СПб.: Астерион, 2019. С. 469-473.

84. Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 46-52.

85. Хохрин С.А. Криминальная субкультура как элемент пенитенциарного преступника // В сборнике: Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. 2018. С. 93-95.

86. Чиркова Н.В. Теоретико-методологические аспекты культурологической экспертизы // В сборнике: Преподаватель как субъект и объект современного образовательного процесса. Материалы XLIV научно-методической конференции преподавателей, аспирантов и сотрудников / Под ред. М.Н. Мысина. 2017. С. 224-230.

87. Шалагин А.Е. Криминальная среда и ее общественная опасность // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2016. Т. 1. № 2. С. 136-141.

88. Шиканов В.И. Использование специальных познаний при расследовании убийств. Иркутск, 1976. 120 с.

89. Шилов К.А. О некоторых проблемных вопросах, возникающих при привлечении лица в качестве обвиняемого за занятие высшего положения в преступной иерархии // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2020. № 4 (6). С. 82-86.